

происходит тем самым повышение требований социально-разумного поведения, выставляется требование «братского отношения» к прежним чужим и врагам...» [1, с. 596–597].

Сильной стороной данной теории является исследование влияния психологических факторов на возникновение и эволюцию государства и права.

В то же время абсолютизация этих факторов, игнорирование иных факторов, в том числе социально-экономических, ведет к методологическим ошибкам.

Попытка объяснить историко-правовые процессы посредством обращения к психологическим и моральным факторам имела место и применительно к истории славянства и Древней Руси.

В сочинении, приписываемом Исидору Севильскому (около 560 г. – 636 г.), «О свойствах народов», сохранившемся в так называемой «Оветенской компиляции» 883 г., перечисляются отрицательные черты различных народов, включая славян:

- «1. Зависть иудеев.
2. Неверность персов.
3. Лукавство египтян.
4. Хитрость греков.
5. Раболепие сарацин.
6. Легкомыслие халдеев.
7. Непостоянство африканцев.
8. Обжорство галлов.
9. Пустое тщеславие лангобардов.
10. Жестокость гуннов.
11. Нечистота севов.
12. Дикость франков.
13. Глупость саксов. [13а. Тупость баваров].
14. Изнеженность гасконов.
15. Сладострастие скоттов.
16. Пьянство испанцев.
17. Суровость пиктов. [17а. Сладострастие севов].
18. Злоба британцев.
19. Нечистота славян. [19а. Алчность норманнов]» [2, с. 357].

Целые народы наделяются в указанном трактате определенными свойствами, преимущественно негативными – очевиден психологический, морализирующий подход средневекового «этнолога».

Сходные подходы обнаруживаем также в отечественных манускриптах – Повести временных лет, Новгородской I летописи и т.д.

Например, в Новгородском летописном своде, в самом начале повествования, древние, справедливые, деятельные русские князья противопоставляются правителям более позднего времени – сравнение это далеко не в пользу последних. Очевиден акцент на их моральные, психические качества, на их смелость, справедливость, неподкупность и т.д. В какой-то степени имеет место даже идеализация ранних Рюриковичей: «Вась молю, стадо христово, с любовию

приклоните ушеса ваши разумно: како быша древнии князи и мужи ихъ, обороняху Рускии земли, и иные страны приимаху под ся; тыи бо князи не збираху многа имениа, ни творимых вирь, ни продажъ възкладаху на люди; но оже будет правая вира, а ту възмя, даяше дружине на оружье. А дружина его кормяхуся воюючи инии страны и бьющеся: «братие, потягнемъ по своему князи и по Руской земли». Не ждяху: «мало ми е князь же двусотъ гривен». Не кладяху на своя жены золотыхъ обьручии, но хожяху жены ихъ в серебре; и расплодили были землю Рускую. За наше несытовство навель богъ на ны поганая; а и скоти наши и села наши и имениа за теми суть, а мы злобъ своихъ не останемся. Пишет бо ся: богатество, неправдою збираемо, извеется. И паки: збираеть и не вестъ, кому собираеть я, и паче: лучше праведнику малое паче богатства грешныхъ многа. Да отседе, братие възлюбленная, останемся от несытъства своего, но доволни будут уроки вашими, яко Павель пишет: ему же данъ урок, то урокъ; никомуже насилия творяща, милостынею оцветуще» [3, с. 512].

Следует отметить, что, как это ни прискорбно, в каком-то отношении слова древнего летописца остаются актуальными и по сей день.

Список литературы

1. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб.: Изд-во «Лань», 2000.
2. Исидор Севильский (О.В. Иванова) // Свод древнейших письменных известий о славянах. – Том II (VII–IX вв.). – М.: Восточная литература, 1995. – С. 353–358.
3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
4. Петров И.В. Древнерусские летописи как источник по истории торговли и торговых правоотношений в Древней Руси (IX–X вв.) // Мир экономики и права. – 2010. – № 9. – С. 36–40.
5. Петров И.В. Скандинавские письменные источники о торговых правоотношениях Древней Руси // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 5. – С. 81–82.
6. Петров И.В. Восточное монетное серебро: Ока (до 825 г.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 5. – С. 82.
7. Петров И.В. Восточное монетное серебро: Средняя Волга, Вятка, Кама (до 825 г.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 5. – С. 125–126.
8. Петров И.В. Торговые правоотношения и формы расчетов Древней Руси (VIII–X вв.). – СПб.: Центр стратегических исследований, 2011.
9. Петров И.В. Государство и право Древней Руси в 882–980 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Специальность – 12.00.01 Теория права и государства; история права и государства; история политических и правовых учений (по правовым наукам) / Северо-Западная академия Государственной службы. – Санкт-Петербург, 1999.

СЕМЕЙНЫЕ ОБЫЧАИ СЛАВЯН И РУСОВ

Петров И.В.

*Санкт-Петербургский университет управления
и экономики, Санкт-Петербург,
e-mail: ladoga036@mail.ru*

Правовая система эпохи первых Рюриковичей складывалась постепенно, различными путями, оформлялась в весьма своеобразных формах. Отдельные нормы права применялись как

на всей территории государства, так и в каком-то одном регионе.

Повесть временных лет упоминает бесчисленные «обычаи», «законы предков», «преданья племен», игравшие важную роль в жизни восточнославянских обществ.

Летописец отмечал, что восточнославянские племена «имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своих и преданья, кождо свои нравъ. Поляне бо своих отецъ обычаи имуть кротокъ и тихъ, и стыденье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и к родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыденье имеху, брачный обычаи имяху: не хожаше зять по невесту, но приводяху вечеръ, а завтра приношаху по ней что владуче. А древляне живяху звериньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умькиваху у воды девица. И радимичи, и вятичи, и северъ одинъ обычаи имяху: живяху в лесе, яко же и всякий зверь, ядуше все нечисто, и срамословье в нихъ предъ отъци и предъ снохами, и браци не убиваху въ нихъ, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бесовская песни, и ту умькаху жены себе, с нею же кто съвещашеся; имяху же по две и по три жены. И аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику, и възложашуть и на кладу, мертвеца сожъжаху, и посемь собравше кости вложашу в судину малу, и поставляху на столпе на путехъ, еже творять вятичи и ныне. Си же творяху обычая кривичи и прочии поганин, не ведуще закона Божия, но творяще сами себе законъ» [1, с. 13; 2, с. 10; 3, с. 10–11].

Этот летописный текст может быть признан вполне достоверным, поскольку ряд сообщенных фактов подтверждается параллельными источниками и анализом самой летописи [4, с. 73–85].

О многоженстве у славян и русов, как твердо установившемся брачном обычае, говорится не только в Повести временных лет, но и в трудах иностранных авторов.

В географическом трактате Ибн Русте (начало X столетия), повествующем о славянах и других народах Восточной Европы, описан обычай многоженства и самоубийства жены во время похорон мужа: «Если у покойника было три жены, то та из них, которая утверждает, что она особенно любила его, приносит к его трупу два столба и вбивает их стоймя в землю, потом кладет третий столб поперек, привязывает посреди этой перекладины веревку, становится на скамью, и конец этой веревки завязывает вокруг своей шеи: тогда скамью вытаскивают из под нее, и женщина остается повисшей, пока не задохнется и не умрет. После этого труп ее бросают в огонь, где он и сгорает» [5, с. 30–31].

Арабский путешественник и географ ал-Масуди, писавший несколько позднее Ибн Русте, но также в X в., поясняет смысл подобных обычаев: «Когда умирает мужчина, то сжигается

с ним жена его живой; если же умирает женщина, то муж не сжигается; а если умирает у них холостой, то его женят по смерти. Женщины их желают своего сожжения для того, чтобы войти с ними (мужьями) в рай» [6, с. 129].

В Худуд ал-алам сообщаются сходные факты, однако, в значительно сокращенном виде: «Мертвого сжигают. Если у них умирает человек, то его жена, если любит его, убивает себя» [7, с. 295; 8, с. 432–434; 9, с. 504–545].

В «Стратегиконе» Маврикия, созданном в конце VI в., уже известен обычай самоубийства жены в случае смерти мужа: «Жены же их целомудренны сверх всякой человеческой природы, так что многие из них кончину своих мужей почитают собственной смертью и добровольно удушают себя, не считая жизнью существование во вдовстве» [10, с. 369].

В так называемой Хронике Фредегара (VII в.), в отношении правителя западных славян Само подчеркнуто, что у него было «12 жен из рода славян; от них он имел 22 сына и 15 дочерей» [11, с. 367].

В письме знаменитого англосаксонского миссионера Винфрида, принявшего имя Бонифаций, написанного в 746 г., и адресованного королю Мерсии Этельвальду (716–757 гг.), содержится материал, аналогичный содержащемуся в трактате Маврикия о самоубийствах славянских женщин: «И винеды, гнуснейший и наихудший род людей, со столь великим усердием блюдут взаимную супружескую любовь, что жена после смерти своего мужа отказывается жить. И достойной похвалы считается у них жена, когда она собственной рукой предаст себя смерти и сгорает на одном костре со своим мужем» [12, с. 417].

Согласно данным Титмара Мерзебургского, писавшего в 1012–1018 гг., в Польше, еще не в полной мере просвещенной христианством, «каждая жена, обезглавленная, следует за останками своего мужа, сожженного на огне» [12, с. 420].

Отдельные археологические материалы подтверждают описания перечисленных выше средневековых авторов – в одном из захоронений в Прютцке около Бранденбурга, датированном VII–VIII вв., открыты останки молодой женщины, подвергшейся сожжению на погребальном костре ее мужа-воина [12, с. 420].

Очевидно, что летописная запись о восточнославянских обычаях – источник правдивый и достоверный, правильно характеризующий этнографические особенности того или другого племени.

Описанные Повестью временных лет племенные обычаи, законы предков уходили в глубокую древность, однако, хотя и отличались известным консерватизмом, все же были подвержены изменениям и дополнениям в зависимости от развития общественных отношений.

Каждое племя обладало собственной системой обычаев. Летописец, живший в начале

XII в., различал обычаи полян от обычаев древлян, а вятичей от кривичей. В этих отличиях не было ничего удивительного – ведь племена, союзы их жили обособленной жизнью долгие десятилетия и века.

Первоначально обычаи регулировали многие стороны общественных отношений. Потом, с появлением иных правовых источников, сфера их действия ограничилась главным образом правом семейным, да и то – до тех пор, пока Русь не была крещена и церковь не монополизировала эту сферу отношений.

Одной из особенностей древнего права была тесная связь его с религией. Наряду с брачными обычаями, своего рода неписанным семейным правом, летописец выделяет обычаи религиозные, противопоставляя их закону христианскому. Это не искусственное построение «Повести временных лет», поскольку в древности, когда право не было зафиксировано в каких-либо нормативных актах, оно представляло совокупность собственно правовых, а также религиозных и иных установлений.

Древние обычаи в области права уголовного освящали кровную месть, а в сфере семейного – многоженство.

Судя по свидетельствам Маврикия, Бонифация, Фредегара, обычаи многоженства и самоубийства жены на могиле мужа уже существовали в VI–VIII вв. При этом они были свойственны не только восточным, но также западным и южным славянам.

Эти обычаи функционировали также в IX–X вв., что доказывается известиями Ибн Русте, ал-Масуди, Худуд ал-алам.

Очевидно, что с принятием христианства они должны были постепенно отмирать.

Список литературы

1. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку // ПСРЛ. – Т. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1962.
2. Повесть временных лет по Ипатьевскому списку // ПСРЛ. – Т. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1962.
3. Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – 3-е изд. – СПб.: Наука, 2007.
4. Петров И.В. Торговые правоотношения и формы расчетов Древней Руси (VIII–X вв.). – СПб.: Центр стратегических исследований, 2011.
5. Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Дада, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского Музея: пер. Д.А. Хвольсона. – СПб., 1869.
6. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. (С половины VII века до конца X в.). – СПб., 1870.
7. Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. – М.: Восточная литература, 2000.
8. Бартольд В.В. Рукопись Туманского // Академик В.В. Бартольд. Сочинения. – Т. VIII. – М.: Наука, 1973.
9. Бартольд В.В. Введение к изданию Худуд ал-Алам // Академик В.В. Бартольд. Сочинения. – Том VIII. – М.: Наука, 1973.
10. Стратегикон Маврикия (В.В. Кучма) // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I–VI вв.). – М.: Восточная литература, 1994. – С. 364–393.
11. Так называемая Хроника Фредегара (В.К. Ронин) // Свод древнейших письменных известий о славянах. – Том II (VII–IX вв.). – М.: Восточная литература, 1995.

12. Загадки, посланные сестре и переписка Бонифация (В.К. Ронин) // Свод древнейших письменных известий о славянах. – Том II (VII–IX вв.). – М.: Восточная литература, 1995. – С. 413–421.

13. Петров И.В. Древнерусские летописи как источник по истории торговли и торговых правоотношений в Древней Руси (IX–X вв.) // Мир экономики и права. – 2010. – № 9. – С. 36–40.

14. Петров И.В. Скандинавские письменные источники о торговых правоотношениях Древней Руси // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 5. – С. 81–82.

15. Петров И.В. Восточное монетное серебро: Ока (до 825 г.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 5. – С. 82.

16. Петров И.В. Восточное монетное серебро: Средняя Волга, Вятка, Кама (до 825 г.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 5. – С. 125–126.

17. Петров И.В. Государство и право Древней Руси (750–980 гг.). – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2003.

18. Петров И.В. Государство и право Древней Руси в 882–980 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Специальность – 12.00.01 Теория права и государства; история права и государства; история политических и правовых учений (по правовым наукам) / Северо-Западная академия Государственной службы. – Санкт-Петербург, 1999.

ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА И РАЗНООБРАЗИЕ ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЙ

Петров И.В.

*Санкт-Петербургский университет управления
и экономики, Санкт-Петербург,
e-mail: ladoga036@mail.ru*

Теологическая теория признает божественный характер происхождения государства и права. Государство и право, согласно данной теории – творение Бога с целью регулирования поведения людей.

Данная теория является наиболее ранней из всех теорий происхождения государства и права. Если мы посмотрим на древнейшие государства – Египет, Шумер, Индию, Китай, Крит, Вавилон, Иудею – то увидим там отдельные элементы теологической концепции.

Египетский жрец Манефон, составивший списки египетских фараонов, писал, что поколению земных правителей предшествовало поколение богов и полубогов, принесших царственность на Землю. По мнению академика М.А. Коростовцева, «фикция божественной природы фараонов зиждется в египетских текстах на следующих положениях: ... Ра был не только создателем, но и первым повелителем всего сущего, т.е. царем богов и людей, Ра – первый фараон... Согласно египетской религиозной и исторической традиции Хор – прообраз всех египетских фараонов, а фараоны – его земное воплощение. Каждый реальный фараон считался потомком и Ра, и Хора...» [1].

Нечто подобное наблюдаем и в отношении Минийской цивилизации: «Греческие мифы делают бога Зевса родоначальником критских царей Миноса, Сарпедона и Радаманта, повествуя о том, как он, приняв облик быка, доставил на